

(1) Наша школа находится в переулке. (2) А сам я живу на московском Арбате, рядом с домом, на котором висит серая мраморная доска с указанием, что здесь в 1831 году жил Александр Сергеевич Пушкин.

(3) Раньше я, пробегая мимо этого дома в день по сто пятьдесят раз, никогда не замечал этой знаменитой надписи. (4) А в прошлом году к нам пришел новый учитель литературы и спросил меня как-то, где я живу. (5) Я ответил. (6) А он говорит: «Знаю, это рядом с домом Пушкина». (7) Я как дурачок переспросил: «Какого Пушкина?» (8) Вроде бы у нас с ним общих знакомых с такой фамилией нет. «(9) Александра Сергеевича, — говорит он. — (10) Того самого, главного... (11) Ты, когда сегодня пойдешь домой, сделай одолжение, подыми голову и прочитай на доме пятьдесят три надпись на мемориальной доске».

(12) Я потом около этой доски, висящей на доме, час простоял, глазам своим не верил. (13) И представьте, ее повесили еще до моего рождения. (14) Полное отсутствие наблюдательности.

(15) А учитель таким хорошим оказался, Федор Федорович, мы его зовем сокращенно Эфэф, и фамилия у него смешная: Долгоносик... (16) Сам литератор, а фамилия зоологическая. (17) Но сначала он мне совсем не показался, потому что у него на каждый случай жизни припасена цитата из классической литературы, и мне это не понравилось. (18) Неужели у него своих слов нет? (19) Но потом я разобрался, и это мне стало нравиться. (20) Он как скажет какую-нибудь цитату, так и поставит точку. (21) Коротко, и объяснять ничего не надо. (22) И еще: когда он говорил эти цитаты, то волновался, а не просто шпарил наизусть. (23) В общем, он необычный человек.

(24) Он редко смеется, хотя еще довольно молодой и не усталый. (25) Но он слова особенные знает, и умеет слушать других, и не лезет в душу, если тебе этого не хочется. (26) И взгляд у него пристальный: разговаривая, он никогда не смотрит в сторону. (27) Эфэф всегда входит стремительно, точно боится опоздать. (28) Оглядит класс и скажет: «Не будем терять даром времени». (29) Но на классном часе он разрешает говорить, что только захочешь. (30) Можно даже шутить и нести всякую чепуховину, можно задавать любые вопросы.

(31) Он мне как-то сообразил, что любит думать больше про незнакомых, чем про знакомых. (32) Про знакомых все знаешь, а про незнакомых можешь придумать то, что тебе хочется. (33) Я теперь тоже часто, как он, думаю про незнакомых. (34) Раньше я всегда думал про родных да про свой класс, и всё. (35) А теперь я увижу какого-нибудь человека на улице и целый день про него думаю, представляю, чем он занимается и кто его друзья.

(36) Однажды Рябов опоздал и сказал, что он задумался и проехал свою остановку. (37) Он притворялся, что говорит чистую правду, а на самом деле это была ложь, он противно врал и кривлялся.

— (38) Что это ты, Рябов, стал привирать, — сказал Эфэф. — (39) Раньше я за тобой этого не замечал.

(40) Он намеренно сделал ударение на слове «этого». (41) Значит, кое-что другое, что ему не очень нравилось, он за ним замечал.

(42) Эфэф склонился к своей старой солдатской полевой сумке, которая ему досталась в наследство от отца, и все примолкли и вытянули шею. (43) И я вытянул шею: раз Эфэф полез в сумку, значит, будет дело. (44) У него там такие необыкновенные вещишки лежат — закачаешься. (45) Он, например, однажды на уроке русского языка неожиданно вытащил из сумки какую-то тоненькую потрепанную книжонку и без всяких слов предупреждения стал ее читать.

(46) Я до сих пор помню, как Эфэф ее читал: без выражения, тихо, однообразно, точно не читал, а рассказывал то, что видел сам. (47) А потом, когда закончил, сказал: «Солдата, который написал эту книжку, уже нет в живых. — (48) И в сердцах, с обидой добавил: — Рановато он умер».

(49) Книжка пошла по рядам, и каждый ее рассматривал, а когда она дошла до меня, я открыл ее и прочел: «Эм. Казакевич. (50) Звезда». (51) А ниже от руки было написано: «Товарищу по землянке». (52) И стояла подпись автора. (53) Это отец Эфэф был товарищем по землянке. (54) Да, настоящая это была книжка, вся правда про то, как воевали, и про то, как погибали.

(55) Наконец Эфэф перестал копаться в своей исторической сумке и, к общему разочарованию, вытащил оттуда обыкновенную ученическую тетрадку в двенадцать листов.

— (56) Вот тебе тетрадь, Рябов, — сказал он. — (57) Будешь в нее записывать, сколько раз соврал.

(58) Это точно, он не любил вралей. (59) Он и другим уже давал такие тетради, но никогда потом про них не спрашивал. (60) Дал тетрадь, и все, а дальше поступай как хочешь.

(61) С Эфэф мы здорово подружились. (62) А в одной сложной истории, когда меня просто поедом ели и проходу не давали, он мне здорово помог, как настоящий друг. (63) Эфэф меня поддержал. (64) Учитель как-то толково объяснил, чего надо стесняться в жизни, а чего — нет. (65) И я ему поверил, и это меня, можно сказать, спасло.

(По В.К. Железникову)